

DOI 10.31483/r-168361

*Лаврентьев Максим Владимирович**Сулимин Александр Николаевич**Хасин Владимир Викторович*

РЯЗАНСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПРИЮТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В 1900 г.

Аннотация: в главе рассматривается деятельность Рязанского исправительного приюта для несовершеннолетних правонарушителей в 1900 году на основе отчётов Правления Рязанского Общества исправительных приютов и колоний. Приют был учреждён 2 февраля 1898 года с целью дать первоначальное образование и нравственное воспитание несовершеннолетним (10–15 лет), впадшим в преступление, развить любовь к честному труду и содействовать дальнейшей жизни по выходе из заведения. Анализируются состав Правления (председатель – прокурор Рязанского окружного суда А.А. Воронин), материально-техническая база (сапожная и портновская мастерские, садоводство и огородничество), финансовое состояние (капитал на 1 января 1900 г. – 15 702 руб., поступление крупных пожертвований, включая 1000 руб. от А.А. Воронина), порядок приёма и изучения воспитанников. Приводятся характеристики шести воспитанников (их происхождение, семейное положение, проступки, поведение в приюте), а также примеры выпуска и дальнейшей судьбы. Отмечается разделение воспитанников на три группы по поведению. Делается вывод, что деятельность приюта была успешной благодаря филантропической деятельности провинциальной интеллигенции и поддержке священнослужителей при типичных для периферийных учреждений проблемах: недостаток средств, бедность, нехватка квалифицированного персонала.

Ключевые слова: исправительный приют, несовершеннолетние правонарушители, Рязанская губерния, история образования.

Abstract: the chapter examines the activities of the Ryazan Correctional Shelter for Juvenile Offenders in 1900 based on the reports of the Board of the Ryazan Society

of Correctional Shelters and Colonies. The shelter was established on February 2, 1898, with the aim of providing primary education and moral upbringing to juvenile offenders (aged 10–15), fostering a love for honest labor, and facilitating their integration after leaving the institution. The analysis covers the composition of the Board (chaired by A.A. Voronin, Prosecutor of the Ryazan District Court), the material and technical base (shoemaking and tailoring workshops, gardening), financial status (capital as of January 1, 1900 – 15,702 rubles, including a major donation of 1,000 rubles from A.A. Voronin), and the admission and study procedures for inmates. Detailed profiles of six inmates are provided (their origin, family background, offenses, and conduct in the shelter), as well as examples of release and subsequent fate. The inmates were divided into three groups according to their behavior. It is concluded that the shelter's activities were successful due to the philanthropic efforts of the provincial intelligentsia and the support of clergy, despite typical problems of provincial institutions: insufficient funding, poverty, and a shortage of qualified personnel.

Keywords: *correctional shelter, juvenile offenders, Ryazan province, history of education.*

Рязанский исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей – один из многих воспитательно-исправительных заведений в Российской империи в конце XIX – начале XX века.

Рязанскому исправительному приюту посвящено несколько исследований: Ю.И. Абрамовой [1], С.А. Васильевой [2], И.В. Синовой [4]. Но данные исследования опирались на общие сведения о Рязанском исправительном приюте. Сами отчеты о Рязанском приюте очень интересны в информативном плане. Итак, рассказываем о Рязанском исправительном приюте в 1900 году.

В Правлении Рязанского Общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних председателем правления был прокурор Рязанского окружного суда Александр Александрович Воронин. Товарищем председателя являлся Рязанский городской голова Владимир Степанович Буймистров [3, с. 3].

Членами правления Общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних были: члены Рязанского окружного суда – Николай Васильевич Растов, Иван Львович Евдокимов; товарищи прокурора – Михаил Михайлович Свенцицкий, Борис Владимирович Гарднер (казначей правления) и Владимир Александрович Оленин; директор Галенчинской колонии для душевнобольных – барон Анатолий Григорьевич Криденер (он же и доктор приюта); помощник губернского врачебного инспектора – Иван Фомич Любимов; Владимир Михайлович Гайдуков (секретарь правления) [3, с. 3].

Рязанский исправительно-воспитательный приют был учрежден Рязанским обществом исправительных приютов и колоний 2 февраля 1898 года – «с целью дать первоначальное образование и нравственное воспитание несовершеннолетним, впавшим в преступление, а если окажется возможным, – и бесприютным сиротам и нищим из уроженцев Рязанской губернии, развить в них любовь к честной трудовой жизни и содействовать к продолжению таковой по оставлении приюта» [3, с. 4].

Цель приюта достигалась при помощи «религиозно-нравственного и физического воспитания и ремесленного образования, которое давало бы возможность питомцам, по выходе из приюта, честным трудом приобретать средства к жизни» [3, с. 4].

В приют принимались несовершеннолетние мужского пола, не моложе 10 и не старше 15 лет от роду.

В правилах о порядке приема воспитанников в приют говорилось: «для помещения в приют питомца необходимо, предварительно его отсылки, снестись с управляющим приютом о том, – имеется ли свободная вакансия, а также сообщить сведения о возрасте помещаемого и проступке, за который он осужден. При поступлении нескольких единовременных требований управляющий избирает того из помещаемых, который моложе и осужден за более важное преступление. Если от управляющего приютом последует извещение о том, что питомец может быть принят, то его следует доставить в назначенное для этого управляющим время» [3, с. 6].

В течение 3-го года своего существования Рязанский исправительный приют для несовершеннолетних преступников несколько расширил свою деятельность, «и к концу отчетного года в приюте, за выбытием трех воспитанников, осталось 17 человек. Кроме действовавшей в прежние года сапожной мастерской, где работали все воспитанники, 5 июля 1900 года была открыта портновская мастерская, на устройство коей было затрачено 25 рублей; приобретенная же для надобностей как этой, так и сапожной мастерской швейная машина фабрики Зингер, стоимостью в 100 рублей, оплачивается из чистого дохода портновской мастерской, по расчету 5 рублей в месяц» [3, с. 7].

В «портновской» мастерской стало работать восемь воспитанников, «уже приобретающих достаточные (по времени) познания, под руководством опытного мастера-специалиста. Кроме работ в мастерских, воспитанники, в течение летнего времени, занимались садоводством и огородничеством, под руководством директора приюта» [3, с. 7].

Эти работы дали «прекрасные результаты, причем овощей удалось запасти на весь год для надобностей приюта, а кроме того, излишек их был продан, что, вместе с арендой фруктового сада, дало приюту чистого дохода – в размере 99 рублей» [3, с. 7].

Ввиду столь благоприятных результатов и «вследствие категорического отказа Министерства Государственных Имуществ в отпуске средств на наем специального садовода, правление признает возможным отказаться от мысли устройства в приюте специальной школы садоводства и надеется, что в будущее время воспитанники приюта будут иметь возможность приобретать в этом направлении достаточные познания и при условиях, существовавших в отчетном году» [3, с. 7].

В течение года внутренняя жизнь приюта «проходила при тех же условиях, как и в предшествовавшие годы... особых затруднений при разрешении вопросов воспитания и внутренней жизни приюта в правлении не возникало, только одно обстоятельство, обсуждавшееся в заседании правления 14 декабря 1900 года, а именно – вопрос о возможности посещения воспитанниками театра, вызвало

между присутствовавшими членами правления значительное разногласие, которое и было постановлено передать на обсуждение общего собрания» [3, с. 8].

В 1900 г. к 14 пожизненным членам «прибавились еще 5, число же действительных членов, вместо 149, бывших в 1899 году, возросло до 167. Сверх того, в отчетном году из общественных учреждений оказали поддержку Обществу следующие уездные земства: Данковское, Егорьевское и Сапожковское – по 50 рублей; Зарайское – 99 рублей 90 копеек; Касимовское, Михайловское, Рязанское и Спасское – по 200 рублей; городские управы: Егорьевская и Рязанская – по 50 рублей; Зарайская, Скопинская и Спаская – по 25 рублей; Московский Международный банк – 50 рублей» [3, с. 8].

В пользу Общества также поступило: «неприкосновенный капитал имени покойной супруги господина Председателя Правления, Александры Александровны Ворониной, – в размере 1 000 рублей, на который приобретено свидетельство государственной 4% ренты; 60 рублей, вырученные от концерта, устроенного госпожой Геннигс и другими в городе Пронске; 91 рубль 24 копейки чистого дохода от спектакля, устроенного, при содействии господина Оленина, в Рязанском городском театре, в декабре 1900 года, и 94 рубля 40 копеек, пожертвованные разными лицами» [3, с. 8].

Озаботясь возможно большим поступлением доходов в пользу Общества, «правление, в январе месяца текущего года (1901 года) пригласило приват-доцента Россолимо, прочитавшего лекцию, давшую чистой прибыли в счет 1901 года – 214 рублей, а кроме того – в сем же году предполагает устроить лотерею, для которой просил разрешения общего собрания, – между прочим, воспользоваться вещами, оставшимися не востребованными из числа выигрышей прошлой лотереи – на сумму 141 рубль» [3, с. 8].

Финансы и бюджет исправительного приюта: «к 1-му января 1900 года налично денег состояло 15 702 рубля 93 1/2 копейки, а именно: 1) процентными бумагами по цене приобретения – 8 689 рублей 83 копейки. Номинальная стоимость 8 600 рублей. 2) по билету Государственного банка на вечное время (капитал имени М.С. и П.В. Горяиновых) – 6 200 рублей. 3) по книжке сберегательной

кассы за №45 716 – 335 рублей 3 1/2 копейки. 4) по книжке сберегательной кассы за №44 062 – 167 рублей 13 копеек. 5) на руках у казначея общества – 291 рубль 25 копеек. 6) на руках у управляющего приютом – 19 рублей 69 копеек» [3, с. 9–10].

В отчетном (1900) году поступило: «а) по сапожной мастерской – 437 рублей 86 копеек, б) по портновской – 36 рублей 80 копеек, в) процент по книжке сберегательной кассы – 2 рубля 55 копеек» [3, с. 11].

Таким образом, в отчетном году капитал Общества увеличился «на 1986 рублей 10 копеек, главным образом, благодаря крупному пожертвованию Председателя Правления А.А. Воронина на образование неприкосновенного фонда имени покойной его супруги А.А. Ворониной (1000 рублей) и благодаря поступлению Д.М. Сольского, М.А. Сольской, П.И. Харитоненко, Н.Ф. Бардыгина и С.А. Сливкова в действительные пожизненные члены общества» [3, с. 11].

Комиссия, которая посетила Приют, «вынесла самое отрадное впечатление: дети имели веселый вид; держали себя вежливо; помещение приюта содержится довольно опрятно; белье на постелях чистое; платье и белье все в порядке; пища изготовлена вкусно; пищевые продукты, находящиеся в кладовой, оказались весьма доброкачественными; работы в мастерских и в классе идут очень успешно; вообще как воспитательная, так и хозяйственная часть в приюте поставлена хорошо. Не малая часть хозяйственных работ по приюту бесплатно исполняется супругой управляющего О.П. Денисовой» [3, с. 11–12].

Краткие сведения о воспитанниках, поступивших в 1900 году: «№16. Первый И.В., 13 лет, поступил 15 января, по приговору уездного члена Рязанского окружного суда, по Касимовскому уезду, от 15 ноября 1899 года, за укрывательство заведомо похищенных пяти коровьих ног. Родина его – город Касимов, Рязанской губернии, и все время жил при родителях своих без определенных занятий. Питал особую дружбу к двум товарищам, вместе с которыми и похищал различные мелкие вещи у касимовских торговков. Деньги же, вырученные от продажи вещей, издерживал на покупку сластей» [3, с. 44].

Родители №16-го были касимовские мещане: «отцу – 60 лет, а матери – 50 лет. Занятие отца – плотничество, а матери – поденная работа на фабрике. Имеет 4-х братьев, из коих старший, 30 лет, с женою и 4-мя детьми живет отдельно от отца; второй и третий живут с отцом и работают на фабрике слесарями, а четвертый брат, 16 лет, помещен в Рукавишниковский приют за кражу. Одна сестра, 20 лет, работает на фабрике, а другая умерла еще в детском возрасте» [3, с. 44].

Ранее совершения описанного проступка, а именно – «20 июля 1898 года, приговором Касимовского городского судьи, от 20 июля 1898 года, был признан виновным в краже и отдан родителям под ответственный надзор, после чего некоторое время работал на фабрике, получая 17 копеек в день; но недели за две до последнего проступка прекратил работу на фабрике и убежал из дома. Вскоре после побега родители нашли сына, высекли и заперли в доме; но мальчик, выставив раму, вновь убежал от них и, неизвестно где, скрывался» [3, с. 44].

Ввиду бедности и необходимости постоянно работать, «отец с матерью отказались иметь надзор за сыном. Телосложение питомца слабое; желтый цвет лица и истощенный вид. Несколько раз он падал сонный с печи и полатей, что, по всем вероятностям, было причиной повторяющихся у него головных болей» [3, с. 44].

В приют №16 поступил неграмотным. «Теперь же умеет читать, писать и порядочно устно считать. В сапожной мастерской занимается посредственно. Мальчик со слабой волей и с большой склонностью поддаваться влиянию дурных товарищей» [3, с. 44–45].

Память у №16 была плоха, «мыслительные способности слабы, нравственное развитие ничтожное и трудоспособность небольшая. В игре с товарищами – жесток, при разборе поступка – плаксив. Ведет себя удовлетворительно» [3, с. 45].

Второй воспитанник, З.И., 11 лет, крестьянин, «поступил по определению городского судьи города Пронска, от 22 января 1900 года, за бродяжничество и профессиональное прошение милостыни. Жил при матери до восьми лет, после

чего начал вести совершенно самостоятельную бродяжническую жизнь и странствовать по городам России, то пешком, то по железной дороге, занимаясь исключительно прошением милостыни. За все время бродяжничества побывал в Рязани, Москве, Воронеже, Козлове, Скопине и в Ростове-на-Дону» [3, с. 45].

Особенно З.И. любил посещать ярмарки, «где сталкивался с нищими, бродягами и золоторотцами. На ярмарках потешал публику пением народных песен под аккомпанемент щелчков руки и свист. Отца своего не помнит, потому что тот умер в период его раннего детства. После смерти отца мать вторично вышла замуж. Постоянное местожительство ее и отчима – город Пронск, где они обитают в землянке, на окраине города. Занятие отчима – плотничные работы, а матери – домашнее хозяйство и нищенство. Из имущества, кроме избушки-землянки, имеют корову, поросенка и несколько штук кур. Отчим – пьяница, скандалист и все заработанное пропивает, а потому семья живет грязно и бедно» [3, с. 45].

У З.И. был брат, 6 лет, и две сестры: 9 и 4 лет. Старшая сестра и брат нищенствовали.

В Москве З.И. за нищенство «был помещен в подследственное отделение Рукавишниковского приюта и, после двухнедельного пребывания, судебным следователем освобожден из него и отправлен на родину» [3, с. 45].

Дома З.И. не сиделось, «несмотря даже и на то, что полиция неоднократно возвращала его к родным этапным порядком, и родители отказались иметь какой-либо надзор за сыном» [3, с. 45].

З.И. поступил в приют неграмотным. «Теперь же умеет читать и писать. Мальчик неглупый и практически хорошо развитый. Большой говорун и весельчак. В школе учится с успехом: в мастерской же – пока неумело, лениво и небрежно. Поведения удовлетворительного» [3, с. 46].

Еще один воспитанник, по отчету под псевдонимом П.Т., поступил в приют 1 апреля 1900 г., в возрасте 14 лет, в качестве подследственного. «Родина мальчика – Ранненбургский уезд, и все время он жил при отце, без определенных занятий. Первые годы детства провел в Рязанской губернии, а последнее время – в городе Ростове-на-Дону, куда отец перевез его в детстве. Родная мать умерла в

дороге во время переезда родителей из Рязанской губернии в землю Войска Донского. Там отец женился вторично. Мачеха, по обыкновению, не любила пасынка: часто бранила, журила и заставляла подбирать остатки каменного угля на пристани и площадях, где он познакомился с нищими и пьяницами, от которых научился курить табак, пить водку и ругаться площадными словами» [3, с. 46].

Занятие отца П.Т. – «выделка овчин и поденная работа на железной дороге, состоявшая в переноске вещей в товарные вагоны. К рождеству Христову 1899 года отец выехал из города Ростова на родину в Ранненбургский уезд, а мальчика оставил в земле Войска Донского, дав обещание вскоре вернуться. В отсутствие отца он был задержан полицией города Ростова за праздношатательство и отправлен, этапным порядком, на родину, в Рязанскую губернию, где, по постановлению Судебного Следователя, от 1 апреля 1900 года, и помещен был в приют в качестве обвиняемого в бродяжестве, для пресечения ему способов уклоняться от следствия и суда» [3, с. 46].

Летом 1900 года отец воспитанника приюта П.Т. «был задавлен насмерть молотилкой, и в живых осталась одна мачеха, находящаяся в Ростове-на-Дону. Отец мальчика много пил, часто бранился и дрался, и вообще отличался буйным нравом, который в резкой степени обнаруживается и в сыне – в виде грубости, буйной раздражительности и неповиновения» [3, с. 46].

В отчете говорилось о самом воспитаннике приюта П.Т.: «мальчик умственно тупой и нравственно плохо развитый; в высшей степени своевольный, злой и упорный. К порядкам приюта относится враждебно и к труду небрежно. Своим диким и необузданным характером дурно влияет на товарищей. В школе занимается тупо, в мастерской же совсем плохо. Ведет себя хуже всех» [3, с. 46–47].

Воспитанник, в отчете под названием П.Б., 14 лет, «поступил 18 апреля, по приговору городского судьи, от 18 января 1900 года, за кражу дров со двора Рязанской губернской земской больницы. Родина мальчика – Тульская губерния: жил при родителях своих, крестьянах (из дворовых) той же губернии, до смерти отца, который скоропостижно умер от неизвестной болезни. После смерти отца

малолетнему пришлось переехать с матерью на родину ее, в город Скопин, Рязанской губернии, к бабке (по матери), которая содержала тайный дом терпимости, а затем, по приговору суда, за преступление против собственности, была послана в Сибирь на поселение. После этого мальчик переехал вместе с матерью на житье в город Рязань, где сначала пас у купца коров и свиней, а затем поступил в услужение в винную лавку, откуда, по истечении года, ушел и вернулся снова к матери. Средств к жизни у матери нет, и она кормится поденной работой, состоящей в стирке белья. Есть брат, 6 лет, который находится при матери. Учился одну зиму в Скопинской приходской школе и поступил в приют с умением читать и писать» [3, с. 47].

Воспитанник приюта П.Б. – «мальчик неглупый, физически здоровый и трудоспособный. Мыслительные способности развиты правильно, память хороша и внимание довольно устойчиво. В приюте обучается грамоте и портновскому мастерству. В мастерской и классе работает с успехом. Порядками приюта тяготеет, товарищами и служащими доволен. Ведет себя хорошо» [3, с. 48].

Воспитанник, под псевдонимом И.М., 12 лет, рязанский мещанин, поступил 29 апреля, по приговору земского начальника, от 10 марта 1900 года, за кражу, совершенную им 23 января 1900 года.

И.М. жил при отце и не имел определенного занятия, «но шатался близ мастерских М.К. и Р.У. железных дорог и подбирал там валявшиеся куски чугуна и железа, что и продавал в мелочной лавочке по 1 копейке за фунт. На деньги, вырученные от продажи собранного таким образом материала, покупал себе голубей (турманов), удочки и сласти. Выручка была неодинакова: в 5, 10, 12 и 20 копеек в день» [3, с. 47].

Отец И.М. – рязанский мещанин, 42 лет, и все время служил на железной дороге: «сначала простым слесарем, затем машинистом. Последнюю должность потерял потому, что произвел (по словам мальчика) крушение товарных вагонов. Теперь отец опять работает в депо простым слесарем. Мать И.М. умерла 7 лет тому назад, после чего отец женился вторично» [3, с. 48].

Имущества у семьи не было, и жили в наемной квартире, за которую платили 3 рубля в месяц (немалая сумма). «Есть два брата: 10 и 5 лет, и две сестры: 13 лет и 1 года. Старшая сестра окончила курс в начальном училище. В продолжение одного учебного года мальчик учился в железнодорожном училище и в приют поступил с умением читать и писать» [3, с. 48].

И.М. был нервным и «очень болтливым». «Не лишен способности подмечать недостатки товарищей и выставлять их напоказ другим для смеха. В школе учится посредственно, в портновской же мастерской – плохо. Поведения удовлетворительного» [3, с. 48].

Шестой по счету воспитанник, отобразившийся на страницах отчета, С.Г., 13 лет, крестьянин, поступил 9 октября 1900 года, за кражу лошади, стоящей 50 рублей. «Все время жил при родителях, крестьянах Михайловского уезда, и помогал отцу в сельских работах. Отец мальчика – хороший и трудолюбивый крестьянин, но мать и отец не отличаются хорошими нравственными качествами» [3, с. 48].

С.Г., живя постоянно дома, «плохо помогал отцу в работе, по причине баловства матери (имеется в виду – избалованный ребенок. – М.Л., А.С., В.Х.). Очень часто, без всякой нужды, таскал съестное и уходил к деду (по матери) или пропадал, неизвестно куда, жалуясь в то же время, что гонят из дома и не кормят. Иногда же уходил побираться» [3, с. 48].

Мать С.Г. занималась крестьянскими работами. «Два старших брата, от другой матери, живут в Москве, из коих один прислуживает в чайном магазине, а другой живет в ломовых извозчиках. Есть еще два брата: один 7 лет, а другой 10 месяцев и одна сестра, 30 лет, которая вышла замуж и имеет детей. Умерли три сестры и один брат» [3, с. 48].

С.Г. судился первый раз, но раньше был замечен в краже перьев, карандашей и ручек для перьев в церковно-приходской школе, «в которой учился, с перерывами 4 зимы; учился плохо и поступил в приют с умением лишь дурно читать и писать. В краже также замечен и отцом, у которого украл из сундука сначала рубль, а потом два, и, неизвестно на что, их истратил» [3, с. 49].

С.Г. – «мальчик шаловливый, неразвитый и ленивый. Учится в школе и мастерской (сапожной) посредственно. Поведения удовлетворительного» [3, с. 49].

В приюте действовал порядок поступления и изучения новичка. «Директор, при доставлении в приют мальчика, удостоверяется: имеется ли копия приговора, присуждающего его к помещению в приют, или разрешение Правления о возможности принять бесприютного сироту или нищего, а также сведения о годах заключаемого. Если таковых не представлено или в приюте нет свободного места, то директор отказывает в приеме, о чем немедленно доносит правлению общества» [3, с. 49].

При неисправности документов на прибывшего воспитанника, «директор приглашает врача для освидетельствования его и, в случае, если питомец окажется страдающим заразной болезнью (по уставу общества), отказывает в приеме его, о чем, с представлением свидетельств врача, доносит правлению общества» [3, с. 49].

По проверке документов и осмотре несовершеннолетнего врачом заведения, «прибывший мальчик принимается директором в приюте: звание, имя, отчество и фамилия принятого питомца заносятся в установленную книгу; одежда, обувь, белье и все, принесенное питомцем, у него отбирается, уничтожается или возвращается лицам, его доставившим; его одевают во все приютское, волосы стригают под гребенку, и вообще он приводится в чистоплотный вид» [3, с. 49].

После этих процедур директор расспрашивал «питомца о его прошедшем, родных и родственников, о среде, в коей он вращался, грамотен ли он, – вообще осваивается с ним, в коротких словах знакомит его с порядком и правилами приюта, а затем сообщенные питомцем сведения записывает в заводимое о нем особое дело, куда впоследствии вносится все, относящееся до призреваемого, пока он состоит в ведении приюта и на попечении общества» [3, с. 49–50].

Не ограничиваясь простым выяснением его прошлого у потенциального воспитанника приюта, «директор входит в сношение с подлежащим полицейским начальством и лицами судебного ведомства относительно собрания необхо-

димых сведений о здоровье, образе жизни, занятиях и прочем родителей призреваемого, а также распоряжается снятием фотографических карточек питомца. Усиленное наблюдение за мальчиком производится в продолжение одной – двух недель в разнообразной обстановке: в играх, классе и мастерской, и все это время новичок находится под усиленным надзором одного дядьки, который постепенно и приучает его к порядку приюта» [3, с. 50].

Несколько воспитанников вышло в 1900 г. на свободу. Одним из них был В.О., крестьянин Рязанского уезда. «В приют помещен был 8 января 1899 года, в возрасте 11 лет, по приговору земского начальника, за кражу из лодки бинокля и револьвера и выпущен был из него, согласно постановлению правления, 23 февраля 1900 года, состоявшемуся 24 февраля того же года, и передан был отцу его, крестьянину Рязанского уезда. Пробыл в приюте 1 год, 1 месяц, 17 дней» [3, с. 50].

До поступления в приют В.О. хотя и учился полтора года в сельской школе, но поступил в приют с незначительными познаниями. «Живя же в приюте и учась в его школе, оказал значительные успехи в грамоте. Научился бегло читать, сознательно передавать своими словами смысл прочитанного и порядочно писать с соблюдением элементарных правил из грамматики. По арифметике приобрел достаточный навык в решении устных задач в пределе 100 и письменных на четыре действия над отвлеченными числами любой величины. По Закону Божию выучил повседневные молитвы, заповеди и библейские рассказы из Священной истории Ветхого и Нового завета. Обучался также и сапожному мастерству, которому, однако, не успел основательно научиться, но тем не менее хорошо познакомился с главными приемами починки старой обуви, что может служить подспорьем в хозяйстве крестьянской семьи» [3, с. 50].

В.О. был способный, умный и благоразумный. «За все время пребывания в приюте ни в чем предосудительном не был замечен. Был всегда вежлив, исполнителен и трудолюбив. Поведения был отличного» [3, с. 51].

По выходе В.О. из приюта и по наведенным справкам, «оказалось, что мальчик живет при родителях и помогает им в полевых и домашних работах. С открытием же школьных занятий поступил в местную сельскую школу для продолжения образования» [3, с. 51].

Еще один воспитанник, К.К., крестьянин Рязанского уезда: «поступил в приют 24 декабря 1899 года, в возрасте 13 лет, по приговору земского начальника, за кражу яблок из сада. Вышел же из приюта, согласно постановлению правления от 13 марта 1900 г., 28 марта того же года, как мальчик безукоризненного поведения, и передан был его матери, крестьянке Рязанского уезда. Пробыл в приюте 3 месяца 6 дней» [3, с. 51].

Находясь в заведении, К.К. обучался в школе «грамоте и сапожному ремеслу, в чем не успел приобрести больших познаний, по причине короткого пребывания в приюте. В заведении вел себя примерно, почему правление и нашло возможным выпустить его из приюта и передать матери» [3, с. 51].

По справке, наведенной через волостное правление, оказалось, что К.К. живет с матерью и помогает ей в домашнем хозяйстве. В школу К.К. не ходил [3, с. 51].

Еще один воспитанник, Н.Г., крестьянин Скопинского уезда. «Был задержан рязанской полицией за нищенство и доставлен в приют 7-го августа 1899 года, в возрасте 12 лет. Принимая во внимание, что мальчик поступил в приют не за преступление, а только за нищенство, правление запросило мать питомца о желании оставить ее сына в приюте; от нее последовал отрицательный ответ. После этого правление, постановлением своим, состоявшимся 21 марта 1900 года, признало необходимым освободить мальчика из приюта и передать его матери» [3, с. 51].

26 апреля 1900 года несовершеннолетний Н.Г. был освобожден из приюта, «в котором пробыл 8 месяцев 19 дней. Мальчик поступил в приют неграмотным, вышел же из него с умением читать и писать, устно, в пределах сотни, порядочно считать и по закону Божию заучил несколько утренних и вечерних молитв. Обучался также и сапожному ремеслу, по которому оказал ничтожные успехи» [3, с. 51–52].

Н.Г. был мальчик «задорный, но незлопамятный; отличался неряшливостью, леностью и невоздержанностью. Поведения был удовлетворительного. В настоящее время живет при матери и по-прежнему занимается нищенством. В школу не ходит» [3, с. 52].

Общее поведение воспитанников за 1900 год имело свои особенности. По словам автора отчета – «присматриваясь, в продолжение отчетного года к поведению воспитанников, их нравственным качествам и трудоспособности, не трудно было заметить их существенные особенности, на основании коих можно было разделить по поведению питомцев приюта на три группы, отличающиеся друг от друга» [3, с. 52].

Первая группа воспитанников, «состоящая из 5 человек, нравственно окрепших и трудоспособных питомцев, хорошо относящихся к приюту и с пользою работающих в школе и мастерских. Отличительным признаком детей этой группы можно признать совесть, послушание, стремление к самоулучшению и самостоятельность. Достаточно небольшого замечания, чтобы остановить воспитанников этой группы от чего-нибудь дурного. Все они пользуются общим доверием служащих, большей, чем остальные товарищи, свободой в приюте, состоящей в отпуске к родным и исполнении различных поручений для приюта. Один из них был отпущен к отцу на три дня праздника Рождества Христова» [3, с. 52].

В конце можно согласиться с выводами С.А. Васильевой о том, что деятельность Рязанского исправительного приюта была успешной «только благодаря филантропической деятельности провинциальной интеллигенции и поддержке священнослужителей» [2, с. 6]. Это была общая картина для всех провинциальных приютов для несовершеннолетних правонарушителей на тот момент. Так действовали многочисленные приюты на периферии: недостаток средств, бедность и вечная нехватка квалифицированного персонала в заведениях.

Список литературы

1. Абрамов Ю.И. Организация работы Рязанского исправительного приюта для несовершеннолетних правонарушителей на рубеже XIX-XX вв. / Ю.И. Абрамов // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул, 2022. EDN FVKOTX
 2. Васильева С.А. Первый исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних в Рязанской губернии / С.А. Васильева // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2015.
 3. Отчет о деятельности Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних, состоящего под высочайшим покровительством государя императора за 1900 год (5-й отчетный год). – Рязань: типография губернского правления, 1901.
 4. Синова И.В. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX-XX веков / И.В. Синова // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – №1. EDN PANAKV
-

Лаврентьев Максим Владимирович – канд. юрид. наук, преподаватель, ЧПОУ «Московский городской открытый колледж», Москва, Россия.

Сулимин Александр Николаевич – канд. полит. наук, доцент, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Саратов, Россия.

Хасин Владимир Викторович – канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия.
